

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 45—53.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 45—53.

Научная статья

УДК 82-31

DOI: 10.46726/И.2023.3.6

ЭКЗИСТЕНЦИЯ СМЕРТИ В РОМАНЕ АЛЬБИНЫ НУРИ «ПЯТЫЙ НЕСПЯЩИЙ»

Диана Юрьевна Сырысева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
г. Москва, Россия, syryseva97@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению экзистенции смерти в романе современной татарской русскоязычной писательницы Альбины Нури (Альбины Нурисламовой) «Пятый неспящий», проявляющейся как на уровне макропоэтики произведения (усложненная композиционная структура), так и на уровне микропоэтики (комплекс мортальных мотивов, представления о смерти, дихотомия внутреннее — внешнее, лексика, актуализирующая танатологический код). Проблематика смерти, к которой обращались многие татарские писатели, как на рубеже XIX—XX веков, так и на рубеже XX—XXI веков, интерпретируется Альбиной Нури в аспекте эстетики и поэтики магического реализма, в котором с помощью соединения магического, чудесного мира инфернальных созданий, духов, призраков и предельно ясной, рациональной действительности создается третья, сложная для осмысления реальность. Делается попытка ввести в научный оборот творчество писательницы, которая продолжает развитие определенного вектора (экзистенциальная направленность и тональность произведения) как татарской литературы, так и мировой литературы, в основном латиноамериканской. Делаются выводы о том, что смерть в романе является главной композиционной и художественной константой, дает возможность рассмотреть преломление традиций магического реализма в данном произведении.

Ключевые слова: магический реализм, экзистенциализм, татарская литература, хрономираж, пространство

Для цитирования: Сырысева Д.Ю. Экзистенция смерти в романе Альбины Нури «Пятый неспящий» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 45—53.

Original article

THE EXISTENCE OF DEATH IN ALBINA NURI'S NOVEL “THE FIFTH SLEEPLESS”

Diana Yu. Syryseva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, syryseva97@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the existence of death in the novel by the modern Tatar Russian-speaking writer Albina Nuri (Albina Nurislamova) “The Fifth Sleepless”, on the one hand, manifested at the level of macropoetics of the work

© Сырысева Д.Ю., 2023

(complicated compositional structure), and at the level of micropoetics (a complex of mortal motifs, ideas about death, internal-external dichotomy, vocabulary that actualizes thanatological code). The problem of death, which many Tatar writers addressed, both at the turn of the 19th—20th centuries and at the turn of the 20th—21st centuries, is interpreted by Albina Nuri in the aspect of aesthetics and poetics of magical realism, in which, by combining the magical, wonderful world of infernal creatures, spirits, ghosts and extremely clear, rational reality, a third, difficult to comprehend reality is created. An attempt is made to introduce into scientific circulation the work of the writer, who continues the development of a certain vector (existential orientation and tonality of the work) of both Tatar literature and world literature, mainly Latin American. Conclusions are drawn that death in the novel is the main compositional and artistic constant, which makes it possible to consider the refraction of the traditions of magical realism in this work.

Keywords: magical realism, existentialism, Tatar literature, chromomirage, space

For citation: Syryseva D.Yu. The existence of death in Albina Nuri's novel "The Fifth Sleepless", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 45—53.

Обращение к творчеству современной татарской русскоязычной писательницы Альбины Нури (Альбины Нурисламовой), получившей в 2017 году литературную премию Республики Татарстан имени Г.Р. Державина («Державинскую премию»), а именно к роману «Пятый неспящий» (2018), актуально, поскольку, во-первых, он имеет сложную композиционную форму, напоминающую по своей изысканной архитектонике структуры обрамленных повестей, получивших широкое распространение в литературах Востока, а во-вторых, является произведением, отличающимся сильной экзистенциальной направленностью, в которой важную роль играет репрезентация и экзистенция смерти. Нужно отметить, что писательница часто обращается к проблематике танатологического, которая может быть задана как эксплицитно, в поэтике названия произведения (романы «Город мертвецов», «Дорога в мир живых», «Глоток мертвой воды», «Погребенные за мостом»), так и имплицитно, в мотивной, композиционной структуре произведения (роман «Пассажир своей судьбы»).

Смерть, одна из констант бытия любого живого организма, часто становилась предметом научной и литературно-художественной рефлексии. Изучению смертности в англоязычных антропологии и социологии посвящены так называемые исследования *death studies* («наука о смерти»), связанные с широким пластом проблем, так или иначе относящихся к смерти, ее восприятию, ритуализации похоронных обрядов и обычаев, а также с проблематикой памяти как личной, так и исторической. Иллюстрацией пересечения подобных проблем являются такие места, как кладбища, склепы, массовые захоронения. Изменение восприятия смерти от вызывающей ужас, чувство жути, благоговейный трепет до способа и средства развлечения, при которых кошмар становится специально сделанным приемом, особым модным трендом, используемым в эпоху постгуманизма, отмечает историк Дина Хапаева [Хапаева]. В отечественных исследованиях интерес к танатологии, смертности, возможно, заданный переводом книги Филиппа Арьеса «Человек перед лицом смерти», в которой рассказывается о католических представлениях людей Западной Европы об умирании и изменении отражения этих представлений в искусстве, в последнее время проявляется отчетливо [Арьес]. Социолог Сергей Мохов пытается выделить особую дисциплину некросоциология, о которой он рассуждает в книге «Археология русской смерти. Этнография похоронного

дела в современной России», также речь об этой дисциплине идет в ряде статей разных авторов, опубликованных в журнале «Археология русской смерти» [Мохов]. Литературоведы также обращают свое внимание на данную проблематику. Полина Новикова, следуя за методологией Мориса Бланшо, пытается выделить особое «пространство смерти», которое становится характерным для произведений И. Шмелева, В. Шаламова и А. Солженицына [Новикова]. Также круг моральных тем раскрывается в статьях сборника «Мортальность в литературе и культуре» [Мортальность...], в работах Романа Красильникова [Красильников].

Смерть может быть связана с экзистенцией, может включаться в комплекс экзистенциальных мотивов, наличествующих в произведении. Более того, как отмечает В. Заманская, в исследованиях советского периода «экзистенция трактовалась как активный антоним к понятию жизнь (общественная и классовая борьба)», а «экзистенция человека оказывалась в ряду идеологических антонимов к жизни личности» [Заманская: 24]. С.А. Кибальник, давая характеристику русской литературной традиции, подчеркивает «понимание смерти как инобытия, а также иррационализм и антиидеологизм», восходящие к поздним работам Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и Ф. Ницше [Кибальник: 132]. Несмотря на то, что в русской литературе экзистенциалистскую традицию «в последнее время предложено рассматривать весьма расширительно», в основном она связывается с творчеством писателей-эмигрантов, таких как В.В. Набоков, Г.И. Газданов, Б.Ю. Поплавский, Г.И. Иванов. [Кибальник: 131], в национальных литературах исследователи тоже находят мотивы, так или иначе связанные с философским настроением экзистенциализма. В татарской литературе они присутствуют у М. Ханафи [Мирсияпова] и Дэрдменда [Саяпова], в чувашской литературе — у Г. Айги [Анисимова], в якутской литературе — у Айсена Дойду [Бурцева].

Как отмечает исследовательница Д. Загидуллина, в татарской литературе конца XX — начала XXI веков обозначилась экзистенциальная направленность, связь же между разными дискурсами мифологического и реалистического «возникает в виде экзистенциальной философии» [Загидуллина: 59]. Можно предположить, что произведение Альбины Нурисламовой продолжает определенные традиции, сложившиеся в татарской литературе рубежа XX—XXI веков.

В романе «Пятый неспящий» экзистенция смерти прочитывается на разных уровнях организации текста. На уровне макропоэтики роман выстроен как чередование историй, восприятий одних и тех же событий разными людьми, каждый из которых рассказывает свою историю, благодаря предельной субъективации, полилогу голосов и сознаний героев, внутренней фокализации создается картина отношений в семье, разрываемой противоречиями. В этой семье отсутствуют теплота, душевная близость, любовь, эти люди раздражают друг друга, а откровенных разговоров друг с другом избегают. Однако в последней главе романа выясняется, что все рассказывающие истории люди мертвы, а роман — это повествование мертвецов или призраков, что позволяет говорить об отражении традиций магического реализма. Роман открывается прологом, в котором говорится о человеке, чаяния и надежды которого остаются в одиночестве в большом и богатом доме сбылись, однако вместо удовлетворения от сбывшейся мечты, этот человек боится неведомого, представляет себя тенью, с ужасом ожидает наступления смерти. Ближе к концу романа выяснится, что человек из пролога — это одна из героинь романа, девушка Роза. Возможно, здесь можно увидеть некоторую параллель с романом Г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества». Так, композиционная структура романа

(в развернутом прологе предвосхищается часть сюжета) характерна для композиционной структуры текстов, актуализирующих эстетику и поэтику магического реализма. В 1979 году Д. Затонский отмечал связь различных времен, которую задает именно первая фраза романа Гарсиа Маркеса, «это сцепление, то есть именно прием», более того, «играя временем, меняя местами “прежде” и “потом”, писатель как бы добивается их одновременности» [Затонский: 124]. Позднее Ю. Гирин указывал, что «конструкция знаменитой начальной фразы определяет всю поэтику главного романа Гарсиа Маркеса (“Из этого образа исходит вся книга”) — не случайно она своеобразным рефреном пронизывает текст книги» [Гирин: 107]. Роль первой фразы или более развернутого пролога становится значимой как на уровне временной организации повествования, так и на уровне композиционного, архитектурного единства текста. Подобную функцию выполняет пролог в романах Ш. Идиатуллина («Последнее время», «СССРтм»), Е. Айпина («Ханты, или Звезда Утренней Зари»). Сама Альбина Нури в интервью говорит о том, что «Сто лет одиночества» — один из ее любимых романов, «главным героем которого является само Время», «это притча о развитии всего человечества, когда каждый отдельный человек обречен на одиночество среди себе подобных» [Нурисламова].

На уровне микропоэтики в романе сталкиваются два представления о смерти. Герои, семья Нагимовых (старшее поколение — брат и сестра Роберт и Римма, дочь Роберта — Румия, дочь Румии — Роза), оказавшись в новогоднюю ночь в большом и богатом доме Риммы, не могут объяснить провалы в памяти после шести часов вечера 31 декабря, отсутствие какой-либо связи в доме, отсутствие людей во всем коттеджном поселке, странное полнолуние, при котором полная Луна светит несколько ночей подряд. В какой-то момент они начинают понимать, что в доме что-то происходит, кто-то, некий пятый неспящий, следит за ними и пугает их по ночам. От пережитого ночного потрясения Роберт начинает рассказывать историю своих отношений с умершей женой, раскаивается в совершенных поступках, многочисленных изменах и предательстве. Он, писатель-неудачник, сравнивает себя с грешниками из девятого круга Ада «Божественной комедии» Данте Алигьери, которые, по его мнению, «самые страшные грешники — обманувшие доверившихся, предатели, изменники» (163)¹. Его кажущаяся банальной история усложняется, когда Роберт рассказывает о том, что его жена Машенька писала прекрасные стихи, которые никогда никому не показывала, потому что не хотела причинить боль мужу, который, несмотря на то что сам считал себя писателем, был лишен искры писательского дарования. Роберт не смог ее простить из-за чувства гордости и уязвленного самолюбия, поэтому он придумал историю измены с лучшей подругой своей жены, а после трагической смерти Машеньки уничтожил тетрадь со стихами. После признания Роберт как будто растворяется в огромном пространстве дома, и его никто не может найти. Если точка зрения этого героя ориентирована на литературную традицию, литературоцентрична, то точки зрения других героинь романа скорее связаны с мифологическими представлениями. Пытаясь выяснить, кто такой пятый неспящий, некий демон, пугающий всех по ночам, Румия в разговоре с дочерью Розой предполагает, что это жен. Румия говорит, что он — «что-то вроде нечистого духа, беса», когда «негодяй, убийца умирает без раскаяния, то после смерти превращается в это существо» (204). Жен поглощает зло, если раньше он был «человеком», то «сейчас это порождение тьмы»,

¹ Здесь и далее текст романа цитируется по: [Нури] с указанием в скобках страниц.

жен «не будет прощен и не жаждет прощения» (205). Как указывает Л. Давлетшина, жен «в системе представлений может объединять отрицательные характеристики мифологических персонажей, замещая их собой», его генезис связывается как с джинами в исламской религиозной традиции, так и с народными представлениями о низших духах, нечистой силе, которые бытовали еще до распространения ислама [Давлетшина: 144]. В романе Нури этим демоном становится душа молодого человека Олега, с которым познакомилась Роза и вместе с которым планировала напугать, а затем обокрасть свою тетю Римму. Однако, узнав всю необходимую информацию у Розы, Олег решил совершить преступление, убив всех свидетелей. Именно в шесть часов вечера 31 декабря произошло убийство всех членов семьи Нагимовых, однако Румия в последний момент смогла поджечь газовый котел, и в результате взрыва и пожара погибли и Румия, и Олег. Если все члены семьи Нагимовых рано или поздно раскаиваются в совершенных дурных поступках, получают прощение и освобождаются, то душа Олега остается блуждать во тьме. Этот демон пугает всех членов семьи Нагимовых по ночам, как будто сдергивает с них маски тех, кем они хотят представляться как себе, так и окружающим. Так, после встречи с ним, ощутив негативную, злобную силу, представляющуюся как «темный, маслянистый человеческий силуэт, облаченный во что-то наподобие балахона в капюшоне» (109), Римма от страха прячется в ванной всю ночь. Утром, приведя себя в порядок, она понимает, что внешне она та же, что и была до этой жуткой встречи, однако «женщина другая» (110). Роберт после встречи с жен решается на откровенный разговор с дочерью. Роза видит его парящим в воздухе и заглядывающим в окна, что вызывает у нее приступ истерики.

Размышляя о происходящем, герои озвучивают разные версии. Так, Роза утверждает, что «все чудится», «кажется» или думает о своем сумасшествии (200). Ее мать, Румия, спокойно предполагает, что «все происходит в нашем сознании, именно так человеческий мозг и реагирует на свое умирание», «есть вот такое блуждание в том месте, где ты умираешь» (201). Председатель коттеджного поселка Валентин Борисович, увидев призрак Риммы Нагимовой в своей гостиной, как будто заглядывает в другой, параллельный мир, поскольку видит хрономираж из прошлого 25 февраля, уже после того, как все описанные в романе события произошли. Однако внезапное столкновение с вестником иного мира вызывает ужас, поскольку, если бы Римма обратила на него свое внимание, он бы либо «сошел с ума», либо «умер — сердце бы не выдержало» (275). Валентин Борисович оказывается случайным наблюдателем, который создает ту реальность, в которой может существовать уже исчезнувшее из реального мира и времени семейство Нагимовых, поскольку «Вселенная состоит из частиц, природа которых такова: пока наблюдатель не обратит на них внимания, не вмешается, они существуют в виде потенциала. Существуют одновременно и везде» (238). Сама реальность подвергается сомнению, потому что она — «всего лишь чистый потенциал до тех пор, пока мы сами не сконцентрируем своего внимания и не увидим чего-то» (238). Соединение мира реального и причудливого, магического, мистического мира призраков и духов порождает в итоге третью, сложную для понимания и интерпретации действительность, характерную для поэтики магического реализма. Подобное столкновение с прошлым соотносится со сновидением: «Как во сне: ты узнаешь предметы вокруг себя, но при этом они кажутся немного не такими, как наяву. Это было все равно что оказаться в зазеркалье, в параллельной вселенной, и глядеть

оттуда на наш мир» (275). Герои боятся признать себя мертвыми, призраками, страшатся признать процесс умирания и распада собственного сознания.

Состояние умирания актуализирует дихотомию внешнее — внутреннее, при которой процессы, происходящие в душе человека, начинают так или иначе проявляться визуально. Герои, перешагнувшие онтологический порог, испытывают или выражают разрушение как внутреннее, так и внешнее. Проснувшись после новогодней ночи, Роза испытывает сильное чувство тошноты, ее внешний облик — неопрятный, вульгарный и неаккуратный — вызывает лишь чувство раздражения и неприятия как у Румии, так и у Риммы. Глядя на дочь, Румия констатирует, что «краше в гроб кладут», поскольку Роза «нечесаная, лицо отекающее, глаз почти не видно — опухли» (19). Но вместо сочувствия и сострадания к дочери Румия испытывает лишь «неприязнь» (19). Ядовито Румия характеризует и Римму, свою родную тетю: «Железная леди основательно проржавела» (140). Сама же Римма ощущает себя сломанной механической куклой, у которой не закрываются глаза. В зеркале она видит свое пугающее отражение: «На нее смотрела перепуганная, исстрадавшаяся старуха с ввалившимися глазами. Щеки обвисли, нос выдался вперед, как у покойницы» (113). Роберту вообще «смотреть на собственное иссохшее, дряблкое тело было неприятно» (33). Старость воспринимается им как «злая ведьма», которая «уже успела незаметно, по-воровски, подкрасться к тебе и стоит за спиной, хихикая над твоей наивной самонадеянностью» (34). Отправляясь спать, он чувствует себя «зловещим живым мертвецом»: идти спать для него, как «заживо ложиться в гроб» (88).

Неприятие друг друга, доведенное до крайней степени, выражается либо в вежливой предупредительности (Румия), либо в хорошо слаженной, почти актерской игре, в которой герои заранее знают и исполняют отведенные им роли (Римма, Роберт), либо в вызывающем поведении (Роза). При этом каждый из героев ощущает сильное чувство непреодолимого одиночества. В. Заманская так характеризует отношение к одиночеству в культуре после философских размышлений Жана-Поля Сартра: «одиночество причина или следствие: человек ненавидит себе подобных, или он уходит в одиночество, тая в себе изначальное, природное качество — ненависть к другому, потому что одинок» [Заманская: 93]. Такая амбивалентность пронизывает канву романа Альбины Нури. Герои не могут до конца понять, почему стали чужими друг другу и одинокими. Румии кажется, что «на всей земле не отыщется других четверых людей, настолько оторванных от всего человечества. Настолько ненужных, бесполезных, неприкаянных и жалких в своей заброшенности существ» (26). В восприятии Роберта вся его семья «не люди», а «какие-то осколки» (35). Римма, основавшая свой бизнес, под старость начинает думать, что ее ничего не связывает с родственниками, поскольку «не лежит ни к кому из них душа», «не тянет делиться ничем сокровенным, обсуждать то, что кажется важным» (52). А решение остаться в одиночестве воспринимается ей как жестокая ошибка. Она не может найти ответ на вопрос, что происходит, когда «обычное выражение привязанности вызывает лишь подозрение и опаску, но никак не ответное желание улыбнуться» (118).

По мнению В. Заманской, экзистенциальное мировосприятие формирует особый тип пространства, которое характеризуется как «замкнутое пространство внешнего мира, помноженное на пространство замкнутого в себе Я» [Заманская: 30]. Герои романа оказываются как замкнуты в отдаленном коттеджном поселке, в большом доме, так и замкнуты в своем сознании

и внутреннем мире. Если изначально пустынный и безлюдный поселок воспринимаются ими как некоторая странность, для объяснения которой находят причины (не достроены многие дома, жители встречают Новый год в Казани и приедут позже), то по мере развития действия они начинают пугаться, вызывают чувство жуты, желание вырваться из этого места и уехать. Отношение к большому дому, отрезанному от цивилизации, также изменяется: если изначально он воспринимается как необходимая передышка, возможность в тишине и покое собрать свои силы и обдумать планы на будущее, то позднее он начинает восприниматься как склеп, как ловушка, из которой невозможно выбраться. Пространство смерти расширяется, любая попытка выйти за его пределы может привести к исчезновению навсегда, даже из мира мертвых. Маркерами зоны смерти становятся образы Луны и снега. Полнолуние начинает длиться больше 10 дней, что вызывает у всех героев панику и бессонницу. Снег, изначально кажущийся уютным и безмятежным, начинает навевать тоску, становится той причиной, по которой нельзя покинуть поселок на машине, поскольку он замечает все дороги, превращая их в огромные сугробы.

Таким образом, экзистенция смерти является одной из организующих роман констант, прочитывается на разных уровнях произведения, становясь значимым художественным переживанием. Эстетика смертности задает композиционную структуру романа, прочитывается как сложное взаимодействие различных мотивов и образов, связанных как с литературной, так и с фольклорной традициями, дает возможность рассмотреть роман как продолжение как традиций магического реализма, так и определенных традиций татарской литературы.

Список источников

- Арбес Ф. Человек перед лицом смерти / пер. с фр.; под общ. ред. Оболенской С.В.; предисл. Гуревича А.Я. М.: Прогресс — Прогресс-Академия, 1992. 528 с.
Нури А. Пятый неспящий. М: Издательство «Э», 2018. 320 с.

Список литературы / References

- Анисимова Е.Г. Художественный мир Г.Н. Айги и философия экзистенциализма в контексте французской литературы второй половины XX века // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 263—269.
(Anisimova E.G. The Artistic World of G.N. Aigi and the Philosophy of Existentialism in the Context of French Literature of the Second Half of the 20th Century, *Bulletin of the Chuvash University*, 2010, no. 1, pp. 263—269. — In Russ.)
- Бурцева Ж.В. Русскоязычная литература Якутии: художественно-эстетические особенности пограничья. Новосибирск: Наука, 2014. 132 с.
(Burtseva Zh.V. Russian Literature of Yakutia: Artistic and Aesthetic Features of the Borderlands, Novosibirsk, 2014, 132 p. — In Russ.)
- Гирин Ю.Н. Поэтика сверхпредельности: к интерпретации художественных процессов латиноамериканской культуры. Санкт-Петербург: Алетейя, 2008. 215 с.
(Girin Yu.N. The Poetics of Overlimitation: Toward an Interpretation of the Artistic Processes of Latin American Culture, St. Petersburg, 2008, 215 p. — In Russ.)
- Давлетшина Л.Х. Татарская проза рубежа XX—XXI веков в контексте актуальной мифологической традиции: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2021. 322 с.

- (Davletshina L.Kh. Tatar prose at the turn of the 20th—21st centuries in the context of the current mythological tradition, diss. ... Doctor of Sciences (Philology), Kazan, 2021, 322 p. — In Russ.)
- Загидуллина Д.Ф. Татарская поэзия и проза рубежа XX—XXI веков: эстетические ориентиры и художественные поиски: монография. Казань: Татар. кн. изд-во, 2018. 287 с.
(Zagidullina D.F. Tatar poetry and prose at the turn of the 20th—21st centuries: aesthetic guidelines and artistic searches: monograph, Kazan, 2018, 287 p. — In Russ.)
- Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2002. 304 с.
(Zamanskaia V.V. Existential Tradition in Russian Literature of the 20th Century. Dialogues on the borders of centuries, Moscow, 2002, 304 p. — In Russ.)
- Затонский Д.В. В наше время: Книга о зарубежной литературе XX в. Москва: Советский писатель, 1979. 431 с.
(Zatonskii D.V. In Our Time: A Book on Foreign Literature of the 20th Century, Moscow, 1979, 431 p. — In Russ.)
- Кибальник С.А. Экзистенциализм в русской литературе и мысли // Литературоведческий журнал. 2005. № 19. С. 131—139.
(Kibal'nik S.A. Existentialism in Russian Literature and Thought, *Literary Journal*, 2005, no. 19, pp.131—139. — In Russ.)
- Красильников Р.Л. Танатологические мотивы в художественной литературе. Введение в литературоведческую танатологию. Москва: Языки славянской культуры, 2015. 487 с.
(Krasil'nikov R.L. Thanatological motives in fiction. Introduction to literary thanatology, Moscow, 2015, 487 p. — In Russ.)
- Мирсияпова Т.И. Экзистенциальные мотивы в творчестве М. Ханафи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 28 с.
(Mirsiipova T.I. Existential motives in the work of M. Hanafi, abstract of diss. ... Candidate of Sciences (Philology), Kazan, 2009, 28 p. — In Russ.)
- Мортальность в литературе и культуре: сборник научных трудов / ред. А.Г. Степанов, В.Ю. Лебедев. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. 430 с.
(Morality in literature and culture: a collection of scientific papers, ed. by A.G. Stepanov, V.Yu. Lebedev, Moscow, 2015, 430 p. — In Russ.)
- Мохов С. Археология русской смерти: рынок ритуальных услуг в современной России. Москва: Common place, 2020. 189 с.
(Mokhov S. Archeology of Russian death: the market of ritual services in modern Russia, Moscow, 2020, 189 p. — In Russ.)
- Новикова П.А. «Пространство смерти» в европейской литературе XX века (И. Шмелев, Б. Виан, В. Шаламов, А. Солженицын, Ф. Ксенакис): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 22 с.
(Novikova P. A. "The Space of Death" in European Literature of the 20th Century (I. Shmelev, B. Vian, V. Shalamov, A. Solzhenitsyn, F. Xenakis), abstract of diss. ... Candidate of Sciences (Philology), Samara, 2005, 22 p. — In Russ.)
- Нурисламова А. Книжная полка Альбины Нурисламовой // Татарстан. Общественно-политическое издание. 2018. URL: <http://protatarstan.ru/knizhnaya-polka-albiny-nurislamovoy> (дата обращения: 02.12.2022).
(Nurislamova A. Bookshelf of Albina Nurislamova, *Tatarstan. Socio-political journal*, 2018. — In Russ.)
- Саяпова А.М. Дэрдменд и философия экзистенциализма // *Tatarica*. 2014. № 2 (3). С. 68—84.

(Saipova A.M. Dardmand and the Philosophy of Existentialism, *Tatarica*, 2014, no. 2 (3), pp. 68—84. — In Russ.)

Хапаева Д. Занимательная смерть: развлечения эпохи постгуманизма. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 328 с.

(Khapaeva D. Entertaining Death: Posthumanist Entertainment, Moscow, 2020, 328 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.12.2022; одобрена после рецензирования 09.01.2023; принята к публикации 12.01.2023.

The article was submitted 08.12.2022; approved after reviewing 09.01.2023; accepted for publication 12.01.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Сырысева Диана Юрьевна — аспирантка, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия, sryseva97@mail.ru

Syryseva Diana Yuryevna — postgraduate student, junior research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, sryseva97@mail.ru